

Корнилович А. О. Письма. // Корнилович А. О. Записки из Алексеевского равелина: [Записки, письма, роман]. -- М.: Рос. фонд культуры: ГАФР: Гос. истор. музей: Рос. Архив, 2004. -- (Рос. архив).
<http://next.feb-web.ru/feb/rosarc/default.asp?feb/rosarc/kor/kor.html>

Письмо императору Николаю, июль 1826 г.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I

Июль 1826 года

Всемиловейший Государь!

Никогда не осмелился бы я утруждать собою Ваше Императорское Величество, если б участь престарелой матери¹, лишавшей себя последнего для доставления мне приличного воспитания, если б участь незамужней сестры², основывающей на мне все свои надежды, не были сопряжены с моею Судьбою. Девять лет имел я счастье служить покойному брату Вашему, и сопровождаемый одобрением Начальства, всегда утешал себя приятным удостоверением, что верно исполнял свой долг. Последние три года преподавал я в училищах Колонновожатых и топографов и поставлял себе правилом при всяком случае утверждать их в чувствах и обязанностях верного подданничества. Живучи здесь с 1820 года, посвятив себя исключительно наукам, я издавна знаком с Рылеевым, Бестужевыми, Муравьевыми³, Кн. Трубецким, но никогда не говорили они мне ни о чем политическом, ибо знали мой умеренный образ мыслей, и что я всегда рачительно избегал этого.

Несчастный случай свел меня в мае прошлого года в Киеве с двумя братьями Муравьевыми-Апостолами⁴: после долгих увещаний склонили они меня войти в Общество, которое, как мне первоначально было сказано, имело целью ограничение власти наследника Императора Александра. Я имел слабость согласиться, но ехав в то время к матери, занятый мыслию о свидании, и полагая, что они не принудят меня ни к чему противному своей совести, не заботился знать более и почти забыл о существовании Общества. Через семь месяцев, на возвратном пути моем, в Василькове, узнал я все, о чем после объявил Комитету. Сия пагубная для меня Васильковская беседа сделала меня преступником. Мне надлежало или немедленно открыть узнанное и сделаться орудием гибели множества людей, с не [ко]торыми из них я был тесно связан прежде, нежели имел понятие об их замыслах, или молчать и пристать к мерам, о которых одна мысль приводит меня в ужас. Я решился на последнее, твердо положив однако ж предупреждать преступления.

27-го ноября выехал я из Василькова; 28-го в Киеве известился о кончине Государя⁵, и поспешил сюда, в надежде найти здесь Великого Князя Константина Павловича⁶, и не открывая Его Высочеству об обществе, предварить его стороною о грозящей Ему опасности. Преступление должно было совершиться в Мае; я полагал что буду иметь время, но обстоятельства приняли другой оборот.

Я узнал от Рылеева на кануне 14 Декабря о замышляемом ими предприятии, и видя, что невозможно его отклонить от сего, взял с него слово, что ничего не будет предпринято против особы Вашего Величества, ни кого-либо из Императорской фамилии. Остальное Вашему Величеству известно. Представ пред Вас, я намерен был открыть все; но осмелюсь ли признаться? Ваши угрозы меня остановили; не размыслив, сколько гнев Ваш был справедлив, и безрассудно опасаясь, чтоб не приписали малодушию или боязни то, что внушала меня обязанность, я молчал. Но голос совести вскоре пробудился, и первое показание мое Комитету, в котором я излил все сокровенное в душе моей, служит тому доказательством. Мог ли я упорствовать после заботливости, какую Ваше Величество показываете о нас, уже уличенных в преступлении?

Всемиловейший Государь! Я поместил все сии обстоятельства не для оправдания себя, не для уменьшения своей вины. Цель моя была представить только Вашему Величеству, что я не был вольнодумцем, что я никого не отвращал от обязанностей верноподданного, что предпочитая всему мирные ученые занятия, я всегда до этого удалялся от всего похожего на возмутительство, и если по